

УДК: 811.111'37+811.161.3'37

Баханович-Шикуть

Ангелина Сергеевна

магистр филологических наук,
преподаватель
кафедры лексикологии
и стилистики английского языка
Минский государственный
лингвистический университет
г. Минск, Беларусь

Angelina Bakhanovich-Shykuts

MA in Philology, Lecturer at the
Department of Lexicology and Stylistics
of the English language
Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus
bakhanovich1994@mail.ru

ПРОТИВОПОСТАВЛЕНИЕ ФРЕЙМОВЫХ СТРУКТУР
КАК БАЗИС ФОРМИРОВАНИЯ ИРОНИИ
В БЕЛОРУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

FRAME STRUCTURES CONTRAST AS THE BASIS OF IRONIC MEANING
FORMATION IN BELARUSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

В статье анализируется противопоставление контрастных фреймов как основа когнитивной структуры иронии. Фреймы, реализующиеся в когнитивном пространстве автора, соотносятся с фреймами читательского восприятия. Установлено, что фреймы-структуры, фреймы-роли, фреймы-ситуации и фреймы-сценарии могут наслаиваться, вступать в отношения параллелизма, контекстной синонимии и антонимии и воплощаться при помощи определенных стилистических приемов.

Ключевые слова: *ирония; непрямая коммуникация; фреймовая структура; интерпретация; прагматический потенциал.*

The article analyzes the opposition of contrasting frames as the basis of the cognitive structure of irony. The frames implemented in the author's cognitive space correlate with the frames of the reader's perception. It has been established that frames-structures, frames-roles, frames-scenarios, frames-situations can be layered, enter into relations of parallelism, contextual synonymy and antonymy, and to be embodied through the usage of certain stylistic techniques.

Key words: *irony; indirect communication; frame structure; interpretation; pragmatic potential.*

Ирония (греч. *eironeia* – притворство, насмешка) – осмеяние; одна из форм отрицания. Отличительный признак иронии – двойной смысл, где истинным является не прямо высказанный, а противоположный ему, подразумеваемый; чем больше противоречие между прямым и подразумеваемым значениями, тем сильнее эмоциональная окрашенность высказывания. Мы определяем иронию как притворное изображение отрицатель-

ного явления в положительном виде с целью его осмеяния и дискредитации, основанное на выражении оценочного значения, заведомо контрастирующего с буквальным смыслом.

Материалом для настоящего исследования послужили 26 оригинальных современных произведений (опубликованных с 1996 по 2019 год), 13 белорусскоязычных и 13 англоязычных, из которых отобрано 664 белорусскоязычных и 889 англоязычных контекста иронии.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования лингвопрагматических характеристик иронии и способов ее реализации в неблизкородственных языках, что имеет практическое значение для последующего сопоставительного изучения специфики данного феномена, а также лингвокультурных особенностей белорусского и британского социума. Поскольку ироническое высказывание – пример не прямой, содержательно осложненной коммуникации, требующей декодирования адресатом-интерпретатором ирония рассматривается сквозь призму когнитивного подхода к языку. Детально рассмотрим одну из когнитивных структур иронии – фреймовую структуру.

«Фрейм – это когнитивный контекст, модель культурно-обусловленного, канонизированного знания, которое является общим, по крайней мере, для части говорящего сообщества» [1]. З. Л. Попова и И. А. Стернин определяют фреймы «как многокомпонентные концепты, объемные представления, некоторую совокупность стандартных знаний о предмете или явлении: например, магазин (компоненты – покупать, продавать, товары, стоять, цена и др.)» [2, с. 74]. По мнению Е. С. Степановой, «фрейм в художественных произведениях – это не только определенным образом представленное автором абстрактное знание, но и результат его актуализации в художественном произведении с учетом ментально-когнитивных особенностей читателя – декодированное знание. Фрейм активизируется тогда, когда интерпретатор приписывает ему толкование, поместив содержание этого фрагмента в модель, которая известна независимо от текста» [3, с. 10].

На основе классификации Д. И. Муромцева иронические контексты были упорядочены по следующим группам: фреймы-структуры, использующиеся для обозначения объектов и понятий; фреймы-роли, отражающие социальные статусы; фреймы-сценарии, запечатлевшие стереотипные схемы поведения; фреймы-ситуации, служащие для создания комических положений [4].

Процедура анализа состояла в выделении высказывания с ироническим значением в каждом из художественных произведений при помощи метода непосредственного лингвистического наблюдения. Использование

комплексной методики, включающей метод дискурс-анализа текста, контекстуального, дефиниционного анализа, элементы количественных подсчетов данных, позволило определить различные способы создания иронии.

Фреймы-структуры (34,77 % от общего числа (1 553); 199 белорусскоязычных и 341 англоязычных контекста) – это когнитивные модели объектов или отвлеченных понятий. Путем столкновения разнородных объектов, сведений, положений, морально-нравственных понятий, свойственных описываемому периоду, создается иронический эффект. Так автор создает обширную ироническую картину общества, говоря о социальных прослойках населения: *А што такое добры генафонд? Интэлігент палічыць, што ў мяне добры генафонд, калі мае бацькі, бабулі і дзядулі ўсе як адзін былі педагогамі, музыкантамі і літэратарамі, пажадана рэпрэсіраванымі альбо збеглымі ад савецкай ўлады ў Парыж. І каб сярод іх аказаўся хаця б адзін расстраляны: гэта надае асаблівы статус. А вось для селяніна добры генафонд – гэта трактарысты і даяркі ў сёмым калене* (А. Беланожка).

Противопоставляются фреймы «генофонд интеллигенции» – «генофонд работяг». Под генофондом понимается не общность генов, а совокупность признаков социальных классов. Для декодирования необходимо знать, что интеллигенция – сугубо русское явление, понятие, сложившееся в конце XIX века, интеллигент это, прежде всего, человек высокоморальный. В советский период представление об интеллигенции несколько размылось – так стали называть всех, получивших высшее образование. Такие «признаки интеллигентной крови», как творческая профессия, бегство от политических репрессий и, как апогей, приговоренный к расстрелу предок – клишированное представление о чертах творческой интеллигенции. Тот факт, что прародители сельского жителя – *трактарысты і даяркі ў сёмым калене* – гипертрофирован. Подобная игра со стереотипами создает ироничный контекст.

Страноведческие фоновые знания важны для «расшифровки» и интерпретации национальных стереотипов культуры, адекватного толкования: *Нешта я зусім псую рэпутацыю купалаўцам. Трэба казаць, што я купалавец, толькі калі выношу дзяцей з полымя* (А. Горват).

Автор гиперболизирует нравственный уровень купаловцев (коллектива Национального академического театра имени Янки Купалы), говоря, что злоупотребление курением понижает репутацию всего театра, при том, что он даже не актер, а дворник. В то время как спасение ребенка из огня вполне соответствовало бы статусу этого учреждения. Контрастируют фреймы «позор Мельпомены» – «герой».

Для декодирования следующего контекста также необходимы обширные фоновые знания: *What if I suggested to you that England's function in the world was to act as an emblem of decline, a moral and economic scarecrow? For example, we taught the world the ingenious game of cricket, and now it's our job, our historical duty, an expression of our lingering imperial guilt, to sit back and let everyone else beat us at it, what would you say to that?* 'Есть в нашей стране люди (их воззрения я лично классифицирую как типичный случай исторически-депрессивного расстройства), которые считают, что наша должность в мире, наша личная геополитическая функция – это служить символом упадка, моральным и экономическим пугалом. Мы, дескать, научили мир играть в крикет, а теперь наш долг, проявление комплекса рецидивной имперской вины – сидеть сложа руки и позволять себя обыгрывать' (J. Barnes).

Крикет зародился в XVI веке на юге Англии и стал одним из национальных видов спорта; *imperial guilt* 'имперская вина' связана с тем, что Британская империя – самое крупное из когда-либо существовавших государств за всю историю человечества, с колониями на всех обитаемых континентах, поэтому «бывшие агрессоры» должны испытывать вину за территориальное, географическое расширение зоны влияния. Ирония порождается столкновением фреймов «популяризация игры в крикет» и «колониальная экспансия». Автор иронично подмечает, что британцы распространили свою власть по всему миру, так же, как и игру в крикет, и теперь должны позволять себя обыгрывать, чтобы загладить вину. Для интенсификации иронии используется метафора *economic scarecrow* 'экономическое пугало'.

Фреймы-роли (28,01 % от общего числа (1 553); 161 белорусскоязычных и 274 англоязычных контекста) – это стереотипы восприятия социального и иного поведения. Изучаемые произведения изобилуют ироническими контекстами, в которых демонстрируется столкновение характеристик морального облика героев. Каждый персонаж обладает амбивалентными характеристиками, поэтому не может быть причислен ни к абсолютно положительным, ни к полностью отрицательным.

Создается контраст фреймов «современный руководитель» – «инфантильный мужчина»: *Ах, дырэктару варта было даўно паслухацца прыроды, якая ўжо ахрыпла, клікаючы яго, як матуля – пяцігадовага неслуха, да пажыўнага пачастунку, каб ён выпіў з рук прыроды энергію сонца. А ён, дурненькі, усё гуляе са сваімі джыпамі, банкаўскімі карткамі «Віза» ды з насеннем катастрофаў, такіх, як свабода слова, гендар і – што-што?–*

харасмэнт! Такія прыгожыя словы! Заўважна, пану дырэктару прыемна вымаўляць іх перад замежнымі партнёрамі, каб паказаць: ён – чалавек прагрэсіўны! (А. Брава).

Формируется ироничный образ директора: с одной стороны, обладающего статусными атрибутами (банковские карты, джипы, прогрессивный гендерно ориентированный лексикон), но с другой, в адрес которого употребляются уменьшительно-ласкательная разговорная форма слова *дурненькі* и просторечие *неслух*. Созданию иронии способствуют: антропоматизм – приписывание человеческих свойств предметам и явлениям реального мира – *прырода, якая ўжо ахрыпла, клікаючы яго, як матуля*; антифразис *прыгожае слова* в отношении лексемы *харасмэнт*.

Выявлено столкновение фреймов «религиозный человек» и «безбожник, атеист»: *For the rest of the term she had been made to stand apart and lead the school in prayer, forced to articulate clearly and to counterfeit an ardent faith. After a while, she found she did it rather well, a born-again convict assuring the parole board that he was now washed free of his sins and would they kindly think of letting him out* 'До конца учебного года ее заставляли выходить вперед и молиться громко, чтобы за ней повторяла вся школа, произносить слова отчетливо, имитировать горячую веру. Вскоре Марта обнаружила, что получается у нее очень даже неплохо; уверовавший во Христа заключенный, она доказывала совету по условно-досрочному освобождению, что дочиста отмыла свою душу от грехов – не соблаговолят ли они поразмыслить на досуге насчет амнистии' (J. Barnes).

Ирония создается при помощи образного сравнения: Марта примеряет на себя роль набожной ученицы, но соотносит себя с заключенным, а школьную комиссию – с советом по условно-досрочному освобождению. Использование семантических сигналов (слов, в которых зафиксирована функция сигнализации иронии) *kindly think* 'соблаговолить' повышает ироническую образность.

Установлено сочетание фреймов «отрицательный образ учителя» (в детском сознании) и «величественная жрица»: *Here they were encouraged to an urgency of belief out of place at morning Assembly. The chants of religion were said in a hurrying mumble; but in history Miss Mason, hen-plump and as old as several centuries, would lead them in worship like a charismatic priestess, keeping time, guiding the gospellers* 'Здесь в них воспитывали горячую веру, которая была бы неуместна на утреннем молитвенном собрании. Религиозные декламации произносились невнятной скороговоркой; но на

истории мисс Мейсон – жирная, как курица, и старая, как несколько веков, – руководила ритуалом, словно величая жрица, задавала ритм, дирижировала своими певчими’ (J. Barnes).

Детство Марты Кокрейн проходит в провинции пасторального английского поселка, школа которого формирует ее духовное пространство. Ирония реализуется через несообразную корреляцию, продуцент иронии сравнивает реальное положение дел с нарочито преувеличенным, искаженным: учительницу со жрицей, руководящей ритуалом.

Контраст фреймов «лжец» – «идеальный муж» становится основой иронии в следующем примере: *Ted, who showed her the advantages of money and the softening hypocrisies it encouraged, who said he loved her and wanted to marry her and have kids with her, but never told her that between leaving her at every morning and reaching his office he always spent an intimate hour with his psychiatrist* ‘Тед, который показал ей, чем хороши деньги и благостное ханжество, порождаемое их наличием, который сказал, что любит ее, что хочет жениться на ней и иметь от нее детей, не соизволил упомянуть, что каждое утро по дороге из ее квартиры в свой офис всегда проводит заветный час наедине со своим психиатром’ (J. Barnes).

Иронический тон рассказчика очевиден в расстановке семантических акцентов. Дж. Барнс описывает «идеального» кандидата в мужа, но перечисленный список достоинств завершается ежедневными визитами к психиатру. Наблюдается логическое противоречие между двумя пропозициями: счастливый семьянин и лгун, с психическим расстройством.

Фреймы-ситуации (23,37 % от общего числа (1 553); 191 белорусскоязычных и 172 англоязычных контекста) – классический прием создания комических положений. Автор сталкивает фреймы «обязанности правоохранительных органов» и «бездумное выполнение плана раскрываемости преступлений» или «нарушение уголовного кодекса» и «нарушение ПДД»: *Каленкавічы – гэта вялікая вёска. Пад ліхтаром у цемры сумуюць без працы дзве прастытуткі – сапраўдныя, у парыках і з вялікімі грудзямі. Як у фільмах Альмадовара. Побач двое міліцыянтаў выконваюць план па злове асабліва небяспечных злачынцаў, можа хто з суседзяў яблыкі крадзе, ці лезе ў акно да палюбоўніцы. Знайшлі мяне, узрадаваліся, што я без флікеру. Знайшлі б лепей прастытутак – усім было б добра. Там ужо і флікер ёсць куды чапляць* (А. Горват).

Автор создает курьезную ситуацию, когда милиция в поиске «особо опасных преступников», арестовывает не проституток, стоящих у дороги, а пешехода без фликера.

Следующий иронический контекст отличается диалогичностью и многомерностью. Взаимодействие фреймов происходит по общей схеме контраста: «каноническое обслуживание в ресторане» и «специфический подход официанта к клиентам»: *It's just that ... don't you think we should be wary of the Californian Waiter Syndrome?* 'Enlighten a parochial mind,' said Sir Jack. 'The guy who instead of standing there with a notepad writing down what you want to eat and shutting the fuck up, takes the next chair to you and talks about the nonviolent way they cracked the hazel nuts and wants to share with you about your allergies' 'Возможно, я нервничаю по пустякам, но... вам не кажется, что следует опасаться Синдрома Калифорнийского Официанта? – Просветите мой ограниченный ум, – заявил сэр Джек. – Вообразите типа, который вместо того, чтобы записать в блокнот заказанные блюда, заткнуться и уйти к чертям собачьим, усаживается рядом с вами и рассказывает, в какой ненасильственной манере давили фундук, а также простодушно выбалтывает, на какие блюда у него аллергия' (J. Barnes).

Автор иронично окрашивает манеру поведения официанта, используя эпитет *nonviolent way they cracked the hazelnuts* 'в какой ненасильственной манере давили фундук', утрируя калифорнийский личностный подход и толерантность во всем, даже по отношению к орехам.

Фреймы-сценарии (13,84 % от общего числа (1 553); 113 белорусскоязычных и 102 англоязычных контекста) отличаются наличием фактической стороны повествования, последовательностью событий, причинно-следственной связью. Лингвистика признает когнитивную роль рассказов, мифов, фабул и сюжетов как гибких и объяснительно-иллюстративных форм поведения и познания, а также трансляции опыта.

В белорусскоязычном дискурсе возникают такие контрадикторные сценарии «выживания» в школе, как «истинное лицо» – «навязанный окружением образ»: *Хутка настаўніца літаратуры пачне чытаць уголас узорна-паказальныя сачыненні старасты. Гэтая дзяўчына выдатна ведае, што трэба рабіць: на савецкіх святах яна дэкламуе добра пастаўленым у драмгуртку голасам «ідэйныя» вершы са сцэны, а потым паліць у прыбіральні, распавядаючы, як «класна кінула» увесь гэты «піпл». І ў сачыненнях яе прадпрымальная сляза скочваецца менавіта ў патрэбным, грамадска значным і дазволеным хрэстаматыяй месцы. Змалку стараста разумее, што зачэрпваць на мелкаводдзі банальнасці ёсць бяспройгрышны спосаб падабацца большасці, гэтаму самаму «people». Менавіта такой хаўкі, пальцам пханай, патрабуе гэты натоўп. Калі камусьці надта хочацца стаць тут сваім, трэба ўсяго толькі прыкінуцца пасрэднасцю* (А. Брава).

Автор создает в контексте противоречивое лексико-стилистическое наполнение: книжные слова *узорна-паказальныя сачыненні* и *дэкламаваць* 'произносить напыщенные речи, полные ложного пафоса', а также глагольная метафора *зачэрпваць на мелкаводдзі банальнасці* сочетаются с жаргонизмами *хаўка* 'еда', *кінуць* 'обмануть' и заимствованием, молодежным сленгом *піпл* 'народ'.

В следующем контексте выявлено сочетание фреймов «вмешательство в частную жизнь» и «журналистская этика», а также «пренебрежение морально-этическими нормами» и «награда за благое дело». *Gary Desmond, until recently a key byline in Sir Jack's own newspaper chain. Gary Desmond, who had outed three cabinet ministers, one of them female; who had named the England cricket captain's love-child, lamented the coke habits of two weather-girls, and brought his employer photographic evidence of Prince Rick's three-in-a-bed sessions with high-price escort girls. But Gary Desmond, waiting, with a modest pun, to call the story his crowning achievement, discovered that it was possible to triumph too completely. There had been no doubting the general excitement when he'd revealed how a young man 'six heartbeats from the throne,' had languidly cavorted with Cindy and Petronella in one of the 'luxury palaces' provided by the tax-payer. But as each day's revelations had continued, prurient condemnation had somehow given way to embarrassment and then to a sort of patriotic self-reproach. He was picking at his House of Lords braces and fearing he might not get the ermine to match* 'Гэри Джеймс, еще совсем недавно ведущий автор всей сети газет сэра Джека. Гэри Джеймс, удаливший с политической арены трех министров – в том числе одну даму; это он разгласил имя внебрачного ребенка капитана сборной Англии по крикету, выразил свое сочувствие двум молоденьким дикторшам «Метеоновостей» по поводу их прискорбной слабости к кокаину и вручил своему работодателю фотографии, уличающие принца Рика в сеансах любви втроем с высокооплачиваемыми профессиональными девушками без комплексов. Гэри Джеймс, ожидая – позвольте смиренный каламбур – королевских почестей за королевский цикл статей, обнаружил, что победы бывают слишком полными. Нельзя было сомневаться в общем восторге, когда он открыл читателям, что молодой человек, «без шести биений сердца король», нежился с Синди и Петронеллой в одном из «дворцов класса люкс», возведенных на средства налогоплательщиков. Он нервно щелкал своими подтяжками цвета палаты лордов, опасаясь, что так и не удостоится положенной к ним горностаевой мантии' (J. Barnes).

Ирония состоит в том, что журналист, представил в неблагоприятном свете людей, занимающих высокое положение в обществе, но так и не удостоился вознаграждения (мантии из горносталя) за свои «заслуги», что является *драматической иронией*, когда читатель осознает абсурдность данной награды, а персонаж считает ее заслуженной.

Рассматривая корреляцию фреймовых структур и иронии можно сделать следующие выводы: шаблонная когнитивная модель передачи иронии основывается на фрагментарном искажении информации адресантом, которое вступает в противоречие с уже имеющимися в сознании адресата информационными, рациональными, чувственно-эмоциональными фреймами и поступающей информацией; ирония формируется сочетанием диаметрально противоположных, взаимоисключающих компонентов смысла высказывания, то есть во фреймовых взаимодействиях; для создания иронического контекста необходимы два фрейма – стереотипная ситуация, закрепленная в сознании реципиента, клише (отвечает за истинность информации) и игровая ситуация, непредвиденный исход (отвечает за фиктивность); в иронически окрашенном художественном тексте присутствует шаблон толкования «от противоположного»: вместо фреймов, отвечающих за истинность информации, актуализируются фреймы, отвечающие за фиктивность информации, порождая когнитивный конфликт в сознании реципиента. Соединение несовместимых по смыслу фреймов приводит к логическому противоречию или двоякому толкованию в тексте, следовательно, к иронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Болдырев, Н. Н.* Концепт и значение слова / Н. Н. Болдырев // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / Воронеж. межрегион. инт обществ. наук [и др.] ; науч. ред. И. А. Стернин. – Воронеж, 2001. – С. 25–35.
2. *Попова, З. Д.* Очерки по когнитивной лингвистике / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : 2001. – 191 с.
3. *Степанова, Е. С.* Мифологический фрейм и его языковое выражение в философских романах А. Мердок : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Е. С. Степанова ; Самар. гос. пед. ун-т. – Самара, 2007. – 19 с.
4. *Муромцев, Д. И.* Введение в технологию экспертных систем : учеб. пособие / Д. И. Муромцев. – СПб : СПб ГУ ИТМО, 2005. – 93 с.

Поступила в редакцию 09.04.2024